

ТУМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Mark Lilly

Туман

<https://litres.ru/74426812>

SelfPub; 2026

Аннотация

Погрузитесь в липкий, давящий мрак отчаяния, где ледяной ужас пробирает до костей, а психологические травмы впиваются в сознание, как ржавые крючья, не отпуская до самого конца. Внутри каждого из нас дремлет голодный монстр — и однажды он пробуждается, сметая хрупкие перегородки рассудка и оставляя за собой лишь кровавую окалину рухнувших надежд. Здесь нет места спасительной морали или простым ответам: перед вами лишь два исхода — вырвать своё право на жизнь из тисков безумия или быть поглощённым пульсирующей тьмой, что ползёт по палубе, словно живая. Вы станете свидетелями того, как обычный рейс рыболовного траулера оборачивается сначала жестоким испытанием стали и солёной воды, а затем — изощрённой пыткой для каждого, кто ступил на борт этого проклятого судна, где сам океан шепчет чужие имена.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Mark Lilly

Туман

Глава

Глава I «Исход»

Работа в море заставляет человека вырабатывать в себе качества, которых у него не было до этого. Изоляция, сложность, сама специфика моряцкой жизни требуют силы воли, дисциплины и смелости. Находиться на судне посреди океана, зная, что вокруг на тысячи миль нет ни души, — это неопишемое ощущение.

До моря я работал преподавателем. Ничего необычного: окончил педагогический институт, стал преподавать в своей родной школе алгебру и геометрию. Но быстро понял, что на такой профессии денег не заработаешь. Нужно было что-то менять.

Почему именно море? Всё просто. Здесь ты полностью погружён в работу. Не думаешь о готовке, одежде, коммуналке, ремонте машины, продуктах. На судне жёсткая иерархия, каждый делает своё дело. У такой жизни есть плюсы помимо хорошей зарплаты. Здесь заводишь настоящих друзей, узна-

ёшь мир, а заодно — самого себя.

Всё случилось в водах Африки, где я часто отрабатывал контракты. Судовладелец мог бы нанять белых, но рыбалка в чужих водах по закону требует местных рабочих. И на стыке двух культур ты начинаешь понимать, что почти ничего не знаешь об этом мире. Африканские мифы завораживают — от них кровь стынет в жилах, сердце бьётся чаще. Самое удивительное: местные не считают это мифами. Они верят в своих богов, подводных чудовищ и демонов, что прячутся в утренних туманах. Может, с детства прививают, а может, дело в килограммах гашиша, которые они выкуривают за рейс, — не знаю. Но когда в море начинается шторм, льёт дождь или вода становится гладкой, как стекло, — за это благодарят богов. И это не мешает жить с ними рядом, работать, общаться, узнавать новое.

Может, и в самом деле в этом есть что-то магическое. Судно качает, оно подскакивает на волнах, всё шумит и гудит. Но достаточно взглянуть на водную гладь — на мелкую пену, что остаётся после того, как волнорез разрезает полотно синей солёной воды, — и ты впадаешь в какой-то ступор. От такого зрелища невозможно оторвать глаз. Весь мир исчезает. Остаётся только вода, пена, волны — и матерщина боцмана, которого на пьяную голову заставили красить переборку в надстройке. Старые морские волки запрещают первоходам смотреть на водную гладь. Не знаю, суеверие или просто привычка — но они повторяют то, что когда-то говорили им.

Работа на рыбацком судне незамысловатая. Капитан и штурманы ищут рыбу по локатору, палубные ставят трал, в цеху рыбу сортируют, морозят, пакуют. Работа динамичная, выматывает физически и морально. Нужна выдержка и хорошая форма. Очень важно с первых дней стать частью экипажа — тогда тяжелая работа перестанет быть в тягость, а начнёт приносить удовольствие. Что может быть лучше, чем выйти всей вахтой на второй номер после смены, закурить и выпить чашку кофе? Рай, не иначе.

Я работаю на станке по упаковке. Помогают два парня из Гамбии — Альфа Бароу и Амаду Сисай. Я учу их мату на своём языке, они меня — малинке. Английский они знают отлично: бывшая британская колония. Вся эта работа со временем превращается в рутину. Ты начинаешь понимать людей с полуслова, с одного взгляда или вздоха. Кто-то начинает пить, кто-то впадает в апатию, а то и в депрессию. Поэтому каждые 4-6 месяцев экипаж меняют. Это сигнал: контракт кончился, пора домой. Кто-то уходит, кто-то остаётся — подписывает новый прямо на судне. Я собирался поступить так же, но планы изменились.

У нас оставалась последняя неделя. Судоходная компания дала распоряжение перегнать траулер в Лас-Пальмас-де-Гран-Канария — на техобслуживание и ремонт. Это делают раз в 5-8 лет, иначе судно просто не выпустят из порта. Провести последние дни перед отлётом домой на тёплых пляжах Канарских островов — звучало неплохо. Мы выгрузили по-

следнюю партию рыбы, высадили африканских коллег. Начался перегон в Лас-Пальмас.

«Туман»

Я обожаю такие длительные переходы. Динамики в работе становится гораздо меньше, из обязанностей — только чистота и безопасность на судне. Ставишь на баке раскладушку, завариваешь чай, расслабляешься под тёплым африканским солнцем и океаническим бризом, который приятно обдувает тело. В такие моменты я люблю море ещё больше.

Старые морские волки — наш боцман Николаевич и матрос траловой палубы Валера — выпивают за день по упаковке чая и скуривают по пачке крепких сигарет. Обсуждают политику, жалуются, что детям и внукам нужны от них только деньги. Первоходы, молодые ребята, пытаются наделать побольше фото для соцсетей. У нас это Ваня и его ровесник Витя. Они впервые в море, и всё вокруг вызывает у них восторг. Я же, как и мой сменщик-упаковщик Лёха, а так же трюмные Серёга и Дима, в такие моменты больше инертны. Я люблю уединение, парни либо пьют ром, либо смотрят фильмы.

В такие мгновения кажется, что иерархия рушится. Нет начальников и подчинённых. Что творится на мостике — неизвестно, да и мало кого волнует. На рыбфлоте граница между рабочим составом и офицерами очень чёткая, и только технолог Андрей да старший тралмейстер Иваныч связывают мостик с палубой и цехом. На камбузе трудятся две де-

вушки — Ира и Таня. Для них переход не играет роли: готовить на экипаж нужно всегда. Рабочее напряжение спадает, из кают доносится смех, музыка, тонкие струйки сигаретного дыма. И весь этот покой периодически нарушает боцман с его «нужно покрасить леера» или «протереть пыль на переборках». Реже — заставить мыть душевые каустической содой.

Я уже почти дремал в кушетке, когда услышал тяжёлые шаги и хриплый кашель в одном из шкафутов. Я знал — это идёт Николаевич. И значит, в его пожилой голове созрела очередная гениальная идея. Он сам был не в восторге от работы во время перехода, но мостик требовал, а потому делать что-то нужно.

Ему было далеко за шестьдесят, но голову покрывали густые седые волосы. Кожа на всём теле — бронзово-коричневая, выжженная африканским солнцем. Боцман ходил в рейсы ещё до моего рождения. Невысокий, но держался прямо и уверенно. Почти всегда ходил без рубашки, даже когда это категорически противоречило технике безопасности. Из-за этого, да и других мелочей, он часто пререкался с капитаном Освальдовичем, но их ссоры больше походили на ворчание пожилой пары, чем на серьёзный конфликт. Насколько я понимал, они знали друг друга очень давно.

— Марк, ты что спишь? — его голос резко врезался в ухо, развеяв остатки полудрёмы.

— Что случилось, боцман? — спросил я с лёгким раздра-

жением, хотя знал, что большая часть его «гениальных идей» рождалась на мостике, когда штурманы от скуки не знали, чем занять экипаж.

— Не ворчи, — ухмыльнулся он. — Во время последней выборки трала зацепили доску на палубе и вырвали её. Нужно до прихода в порт заменить и засмолить. В Пальмесе плавать смолу нам не дадут.

— Так возьми Ваньку из траловой, в крайнем случае Валеру. Это их территория.

— С Валерой это растянется на часы, а Ваньке ещё объяснять придётся. Давай так: помогаешь, а я угощаю тебя парочкой сигарет... С фильтром.

Тяжело объяснять человеку на суше, насколько сигареты — ходовая валюта в открытом море. За пару штук можно и подсуетиться. Особенно это ценится в конце рейса, когда сигарет на ларьке остаётся на «самом донышке».

— Хитрый старик, знаешь, на что давить. Неужели и я таким стану через пару десятков лет?

Боцман громко рассмеялся. В широкой улыбке блеснули два золотых зуба: передний и правый клык. Я ещё не успел сложить лежанку, как смех Николаевича резко оборвался. Он застыл, глядя на горизонт.

— Николаевич, ты чего?

— Глянь.

Он положил руку мне на плечо, развернул в ту сторону, куда смотрел сам, и указал пальцем. На горизонте наступал

плотный туман. Он начинался у самой воды и поднимался вверх, до небес. Распространялся с невероятной скоростью, хотя в небе не было ни облачка, воздух оставался сухим, солнце пекло невыносимо. Да и вообще, туман в море в ясную погоду, когда на часах почти полдень, физически невозможен. А этот плыл густой патокой, покрывая бирюзовую гладь.

С мостика на палубу спасательных шлюпок вышел старпом. Его лицо было озадаченным. Он всегда себе накидывал чуть больше важности, чем необходимо.

— А мы что — будем идти через туман? — спросил боцман у Валерия Григорьевича.

— В том и странность, — ответил Третьяков. — Не должно здесь быть тумана. На локаторе — полный штиль. Погода от экватора до самого Пальмаса должна быть жаркой и ясной. Откуда он взялся — не понимаю.

Валерий Григорьевич Третьяков — наш старпом. Настоящий образец старшего офицера. Без предрассудков, эмоционально стабильный, холодный, отстранённый. Но даже на его лице пробегала едва заметная судорога: скулы напрягались, он покусывал губы, резко выдыхал носом. Высокий, крепкий, на вид — лет сорок, не больше. Свободные синие брюки, всегда выглаженная рубашка с длинным рукавом. Он облокотился на леера, привстал на носки, будто пытаюсь разглядеть что-то в густой пелене.

— Марк, боцман, идите с бака, не мелькайте. Я дам знать,

если что-то прояснится.

Мы с боцманом кивнули и пошли в курилку — переоборудованную раздевалку, где хранилась рабочая роба. Туман постепенно поглощал судно, проникая в продолы, каюты, технические помещения.

«Тихие воды»

Я сидел в курилке и пытался «растянуть» сигарету, которая впитала в себя влагу океанического бриза, пока я получал свою порцию спокойствия на баке.

— Я пойду поставлю чайник. Ты будешь кофе? — Боцман сидел на лавочке напротив меня и пытался оттереть шорты то ли от краски, то ли от помёта чаек.

— Да, давай. Всё равно не понятно, чего остаётся ждать.

Я откинулся головой на переборку и наконец-то сделал первую глубокую затяжку. Сразу же все тысячи мыслей в голове затихли, а волнение куда-то ушло. Туман проникал всё глубже. И именно в этот момент я заметил это. Абсолютную тишину, почти вакуумное отсутствие всего. Чайки, которые без остановки орали весь рейс, гнездясь на портале судна в ожидании своей порции не промышленной рыбы, просто стихли. Как будто их и не было никогда, как будто они были стёрты с этого мира. Я даже не мог вспомнить звука чаек, настолько давящей была тишина. Волны перестали бить о борта судна. Выглянув в иллюминатор, я не услышал ни шума, ни брызг. В полной тишине можно было расслышать только скрип «работы металла», как деформируются сварочные

швы под весом судна. Такое ощущение, что траулер был перемещён из океанической пучины куда-то глубоко в космос.

Туман становился всё гуще. Николаевич зашёл в курилку и протянул чашку с кофе, вслед за ним зашли и остальные работники нашего судна. Лёха зашёл после боцмана и слегка шлёпнул меня по плечу внешней стороной кисти, чтобы я немного подвинулся на деревянной лавке. Ванька и Витя, как и всегда, перешучивались между собой, делая вид, что туман не вызывает у них беспокойства. Уверен, они волновались, но не хотели дать слабину перед более опытными членами экипажа. Два трюмных, Серёга и Дима, о чём-то спорили с Валерой в продоле. Видимо, они ещё не знали о происходящем или не придавали значения этому.

— Боцман, а вы когда-нибудь видели что-то похожее? — спросил Витёк у Николаевича.

Он сделал вид, что спрашивает это между прочим, но его дрожь в голосе и лёгкий фальцет дали понять, что на данный момент это единственное, что интересует и его, и Ивана. После этого вопроса Лёха сделал еле заметный кивок боцману, дав понять, что не стоит усугублять ситуацию.

— Ну, Витя, что тут скажешь. Я хожу в рейсы куда больше, чем ты живёшь на этом свете. В море всякое случается: и проливные дожди по несколько недель, и штормы с качкой, от которой все твои внутренние органы лезут наружу, да и туман не такое уж и редкое явление. — Не успел боцман договорить, как его перебил Ванька.

— А так, а чего нас всех согнали внутрь? — в этот момент Лёха начал закрывать все иллюминаторы, не впуская туман на борт судна.

— Это обычная техника безопасности, Ваня. В таком тумане очень легко на что-то напороться или разбить голову об уголок, леер, швеллер или другую конструкцию. Если тебе скучно и так волнует туман, то я прямо здесь могу найти тебе, чем заняться, и другу твоему тоже. — Николаевич кивнул в сторону Вити и рассмеялся.

В этот момент в курилку вошли трюмные.

— Марк, я закрыл люмик в каюте, так как эта сырость уже не давала возможности нормально дышать. — я одобрительно кивнул, а Серёга продолжил: — кто-то вообще знает, что здесь происходит? Мы стоим на месте? Нет ни волн, ни качки.

В этот момент захрипел громкоговоритель общесудовой связи:

— Говорит капитан судна. Немедленно всему экипажу собраться в кают-компанию. Есть важные новости, и в известность о них мы должны поставить весь экипаж. Конец связи.

Обращение капитана по общесудовой связи в конце рейса обычно вызывает радость, так как ты понимаешь, что контракт закончился и мы сейчас получим все свои документы и справки о плавании, что говорит о том, что скоро домой. Но все мы прекрасно понимали, что это сообщение несёт в себе нечто другое. Мы все поспешили в столовую. Несмотря

на всю ту влагу, что нёс с собой туман, прохладней не становилось. Такое ощущение, что судно превращается в духовую печь.

Все начали расседаться по местам. Рядом со мной сел трюмный Димка. Это был такой здоровый лоб, ростом под два метра. Он был коротко стрижен, а на нём была любимая тельняшка, которую, по ощущениям, он не снимал с начала рейса. Он был бывшим военным, на его лице красовался большой шрам, перечеркивающий лицо от глаза и до левого уголка его рта. Длинные сильные пальцы и широкая грудь. Но самое парадоксальное, что его устрашающий внешний вид полностью перечеркивался его абсолютно доброй, почти альтруистической натурой. Он не дал ужасам своего прошлого перечеркнуть собственное будущее, работая над собой и вживаясь в социум.

Пока ждали капитана, Валера открыл иллюминатор в кают-компании, так как он тоже не был ещё в курсе происходящего. Туман был абсолютно неестественным, плотным и каким-то грязным. Он вытащил руку наружу, но ничего там не ощутил. После чего поджёг зажигалку и поднёс к иллюминатору, надеясь, что слабый огонёк Zipro позволит хоть что-то разглядеть. Он высунул снова руку, но уже с зажжённой зажигалкой, но густое «молоко» тумана скрывало окружение от его глаз. И тут он стал разглядывать сам огонь от зажигалки. Он не двигался, как будто был зажжён в закрытом помещении, как будто в море нет даже намёка на ветер.

Пламя горело ровно и чисто, что вызывало ещё больше тревоги относительно тумана. В помещение зашёл капитан.

В столовой все затихли и стали по струнке. Освальдович махнул рукой, давая понять экипажу, чтобы все садились. Он и до этого имел очень тяжёлый, суровый взгляд, сейчас же эта тяжесть стала ещё более заметной. Его глаза, которые всегда были переполнены решимостью и уверенностью, сейчас излучали растерянность. Было видно, что у него не очень хорошие новости.

— Почти три часа назад нас догнал этот чертов туман. Скорость судна в двенадцать узлов не позволила нам опередить его. Во все времена из тумана при нулевой видимости помогали выйти навигация, заранее выстроенные маршруты и немного удачи. Вот только сейчас радар полностью «ослеп», на нём не видно ни берега, ни буёв, ни других судов, ничего абсолютно. А если верить показаниям эхолота, то под нами бездонная глубина, что странно, ведь мы шли вдоль береговой линии западно-центральной Африки. Ни связь, ни спутниковая навигация так же не работают, выйти на связь с компанией мы не можем. Офицерский состав вместе с механиками решили остановить главный двигатель и лечь в дрейф, дабы не сжигать топливо понапрасну, так как вслепую в таких условиях двигаться невозможно.

Он договаривал эти слова, смотря на стол, на который облокотился обеими руками. Не любить своё начальство — это нормально, так везде. Но видеть это бессилие и растерян-

ность в глазах капитана — ещё хуже. Словно попал на судно Аниара и готовишься познать весь этот ужас.

— Ещё одно, ребята: если выходите на палубу, идите только толпой, следите друг за другом и старайтесь подальше держаться от борта. Найти кого-то за бортом в такую «погоду» будет достаточно сложно. Второй помощник капитана раздаст вам кофе и питьевую воду. Проведите остаток дня на своё личное усмотрение.

Он кивнул в сторону второго штурмана Паши, давая команду выполнить распоряжение. Ещё раз молча осмотрел экипаж, тяжело выдохнул и вышел из кают-компаний. Стояла абсолютная тишина.

«Нечто»

Экипаж постепенно стал расходиться по каютам. Каждый был загружен своими тяжёлыми мыслями.

— Марк, а ты был наверху? — меня окликнул моторист Саня, который на момент появления тумана нёс вахту вместе со вторым механиком в машинном отделении.

— Да, в момент появления тумана. Сейчас вроде как всё судно окутано им.

— Не хочешь выйти перекурить на второй номер, посмотреть, что там да как? — в этот момент к нам подошли Дима, боцман и Витя.

— Хотите сходить наверх? — поинтересовался Дима. — Тогда я с вами, охота разобраться, что там творится. Мы всего полдня в таких условиях, а капитан уже делает вид, что

мы обречены. Очень это странно.

Ботцман одобрительно кивнул головой, а Витя уже по инерции увязался с нами. Юношеский максимализм и амбиции молодого моряка не позволяли ему оставаться в стороне от экипажа.

Самого Саню, моториста, я знал не очень хорошо, как, собственно, и старшего механика с его помощником. Работа матроса — палуба и цех — с работой механиков и мотористов в машинном отделении пересекается редко. Мы виделись с ним только когда я уходил на вахту на фабрику, а он сменялся из машины. Каюты у нас были соседними. Очень немного мне известно о нём. Никакой «тяжёлой» истории у него за спиной нет, он целенаправленно учился на инженера-механика, чтобы всю свою дальнейшую жизнь связать с морем. Сам он был среднего роста, коротко стриженный. Работа, несмотря на специфику его работы, всегда была выстиранной и чистой — для моториста это практически невозможно. Во время перехода он стал плотнее общаться с матросами, так как его «коллег» отправили домой ещё в Африке: в переходе нужен один моторист и два механика, чтобы поддерживать работоспособность машины. Вместе с его друзьями домой улетели технолог, рыбмастера с тралмастерами, третий штурман, третий механик и старший тралмейстер. Это обычное дело. Компания попросту не намерена платить людям, которые в переходе не выполняют практически никакой функции.

Я сидел в каюте с Серёгой, когда постучали в дверь.

— Открыто! — крикнул я.

В каюту вошёл Саня. Серёга поставил фильм на паузу, вытащил наушник из уха и протянул руку мотористу.

— Что-то хотел? — спросил он.

— Мы с Марком собираемся наверх идти, плюс ещё боцман, Дима и тот мелкий матрос, не знаю, как зовут.

— Витя его зовут, — добавил я. — Хочешь с нами?

Серёга, не долго думая, соскочил со второй полки кровати: «Ну, пойдёмте», — сказал он и стал доставать из рундука трюмную робу, к которой привык. Я же не был уверен, что на улице холодно, но то, что там сыро, очевидно. Я взял с рундука робу, только верхнюю часть — куртку. Саня был одет в свою повседневную робу. В продоле уже был слышен разговор Николаевича и Димы. Я вышел из каюты и увидел дивную картину: боцман был одет в тёплую толстовку с длинным рукавом и джинсы. Я его в подобном наряде за весь рейс ни разу не видел. Дима был в своей трюмной робе — видимо, у них с Серёгой это уже профессиональная деформация. С каюты по соседству вышел и Витя: он был в шортах, тельняшке и шлёпанцах на босу ногу. Судя по нашей экипировке, никто даже примерно не мог предположить, что там на палубе за погода.

— Все готовы? — поинтересовался Николаевич. И, не дождавшись ответа, пошёл в сторону камбуза на верхнюю палубу, откуда и был выход на второй номер.

Все стояли перед дверью и не решались её открыть. Конечно, все мы видели туман, и в нём нет ничего особенного, но этот почему-то вгонял в первобытный ужас. Он дрожал как струна, вибрировал и просачивался через щели. Боцман окинул всех взглядом и кивнул, обхватив обеими руками ригель. Как только дверь с преодолением распахнулась, внутрь стал вваливаться густой туман, накатываясь клубами, как плотный дым. Судно потеряло свои краски и превратилось в серо-синее месиво, в котором уже на расстоянии десяти метров невозможно было разглядеть даже знакомые очертания. Да, на палубе было сыро, но туман был не таким — это было что-то иное. По опыту знаю: если заступить на вахту в туман, то можно тут же ощутить все «прелести» такой погоды. Туман проникает в лёгкие, обволакивает тело, вызывая дрожь. Но достаточно начать двигаться и выполнять работу, как оцепенение спадает. С этим туманом было не так. Он обладал очень странным ароматом, похожим на запах гниющего болота, проникал в лёгкие, но вытолкнуть его оттуда было невозможно — он оседал там, как конденсат, как нагар. Судно погрузилось в таинственную мглу. Мы как будто парили в облаках. Невозможно было разглядеть ни траловую палубу, ни портал, ни мачты. И тишина. Абсолютная, давящая тишина. Ни звука волн, ни криков чаек, ни шума ветра. Только тихий, едва заметный скрип металла.

Все леера были мокрыми и скользкими, но это больше походило не на конденсат, а на слизь — густую, скользкую, лип-

кую. Боцман подошёл к току грузовой стрелы и провёл по нему пальцем.

— Очень странно, как будто какой-то масляный налёт. И воняет странно. Запах как на пруду в стоячей воде в жару. Если эта слизь от тумана, предлагаю возвращаться и меньше им дышать. Непонятно, что это.

Несмотря на это, Саня всё же закурил сигарету. Дима и Серёга вглядывались вдаль, пытаясь рассмотреть хоть что-то. Витя судорожно дрожал от сырости. Выйти в шортах на палубу было глупой идеей.

— Вы слышите этот звук? — встревоженно спросил Серёга.

— Да, это где-то оттуда, — Дима указал рукой в сторону левого борта на корме.

Все стали вслушиваться. Звук становился всё отчётливее и агрессивнее. Это было похоже на скрежет металла, хоровое пение и крик чаек одновременно. Описать его точнее было невозможно.

— Может, уйдём отсюда? — спросил Витя, но уже мало кто обращал на него внимание. Все застыли в ожидании, все ждали явления.

В один миг раздался глухой удар, будто в судно попали тяжёлым снарядом. Судно качнуло, как при семибалльном шторме. Из-за слизи на палубе ни я, ни боцман, ни Саня не смогли устоять на ногах. Что-то с невероятной силой грохнуло на траловую палубу. Это нечто было живое. В гуще

тумана можно было разглядеть огромные крылья, которые практически распластались от борта до борта. Эта тварь не смогла сориентироваться в тумане и влетела в наш траулер. Очень сложно добавить что-то ещё в описание. У этого животного не было ни головы, ни хвоста. Но удивлял и страшил не столько размер, сколько её крик. Тварь орала, как сотня чаек, она харкала и кашляла, визжала. Хрипела, как раненый кабан, которого подстрелили на охоте. И всё это одновременно. Я оцепенел от ужаса. Все мышцы сковало, скелет превратился в единый каркас — я не мог даже сдвинуться с места. Тварь кричала от боли и агонии. Но как только её припадок стих, в тишине раздалось то, чего в жизни себе не представишь. Плач. Мольбы о помощи. Человеческие завывания. Десятки голосов. Они не общались друг с другом — они просили либо спасения, либо быстрой гибели. «Андрей, прошу, помоги, я не хочу так, я хочу жить», «Куда ты уходишь? Не оставляй меня здесь», «Мои руки, куда делись мои руки», «Убейте меня, перережьте мою глотку», «Мама, дома ведь ждёт меня мама, она сама», «Доченька, папа совсем скоро будет дома». Это были голоса нескольких человек одновременно. Их голос уже мало походил на человеческий — скорее на предсмертный хрип, на молитву приговорённого к казни. Тварь ворочалась на палубе, будто искала выход. Своими огромными крыльями она практически разогнала туман на траловой, и можно было разглядеть: её крылья совсем не покрыты перьями, они походили на грубую кожу, натянутую

на рамку для дублирования. Казалось, их сшили из чьей-то шкуры, из кусков оторванной ткани. Сама она была похожа на какое-то кровавое месиво. Она издала длинный, громкий, пронзительный визг, который разрушил оцепенение, и я наконец-то выдохнул. Тварь взмахнула крыльями, взлетела за портал и с ужасным криком исчезла в тумане.

В этот момент к нам спустились Освальдович и Паша, второй штурман.

— Что здесь произошло? — спросил капитан. Его голос был взволнован и дрожал — то ли от сырости тумана, то ли от того, что с мостика он всё, как и мы, прекрасно видел.

— Вы слышали эти голоса, эти мольбы? Там были люди! — по Вите было видно, что панической атаки не избежать. Его голос дрожал, будто он сейчас заплачет.

— Успокойся, — мягко сказал боцман. — Мы все здесь были, мы все видели и слышали, как и ты.

— Это какая-то птица была? Или что это за хрень? Я слышал, некоторые птицы могут имитировать человеческую речь, — голос Сани дрожал. Он прекрасно понимал, что несёт чушь, но моряцкая закалка заставляет быстро принимать решения и находить ответы или хотя бы варианты.

— Да, вот только никакая птица не способна ударом качнуть БАТМ, — ответил я.

Мы все стояли как вкопанные, пытаясь разглядеть ещё что-то в том тумане, который снова стал застилать палубу. Витя всё время что-то шептал себе под нос. Дима слегка

толкнул Серёгу в плечо и что-то шепнул. Они оба подошли к щиту пожарной безопасности и сняли с него топор и лом.

— Мы хотим пойти проверить, что это было. Кто-то изъявляет желание помочь? — Дима посмотрел на меня. — Учитель, пойдёшь с нами?

Я одобрительно кивнул.

— Куда ж вы без меня, — добавил боцман.

— Я тоже хочу пойти! — всхлипнул Витя. — Может, там ещё кто-то есть, может, там раненые.

— Пусть идёт, — пробормотал капитан.

Мы стали спускаться по трапу на траловую палубу. Сразу же ощутили очень мерзкий запах гноения — как будто труп разлагается на солнце. Аромат был тошнотворным, душающим. Он напоминал гнилую плоть и рыбу. Эта вонь сжимала лёгкие, и вперемешку с туманом практически полностью лишала способности дышать. Мы вышли на траловую и увидели на досках огромные рубцы — будто какой-то зверь пытался распороть судно пополам. Они были настолько глубокими, что доставали до металлической палубы. На фальшборте зияла огромная вмятина, леера были сбиты, одна из лебёдок со шкентелями разрушена. Тварь была огромных размеров.

— Что это за мерзость?! — вскрикнул я, даже сам не ожидая подобного от себя.

На палубе была лужа слизи — очень похожей на ту, что покрыла судно, но в большем количестве. Эта слизь смердела трупом, гнилым мясом, большими зубами, разложившей-

ся рыбой. Витя не смог удержаться — его вырвало прямо на шлёпанцы. В белой мутной слизи копошились черви, которые пожирают плоть после того, как она перестаёт подавать признаки жизни. Снова воцарилась тишина — я слышал, как «шелестят» эти мерзкие твари в трупных остатках той «кожаной птицы». Все вернулись осматривать повреждения.

— Шкентеля набородили, теперь придётся перематывать, — сказал Николаевич. Несмотря на весь ужас, он думал о работе. Закалка, не иначе.

— Всё, насмотрелись, пойдёмте отсюда, — голосом командира сказал Дима. Уверен, он в таких условиях чувствовал себя куда увереннее, чем мы.

Я, Дима, боцман, Серёга и Витя вернулись на второй номер тем же маршрутом.

— Что там? — спросил озадаченно капитан.

— Сложно вообще что-то сказать. Пойдёмте внутрь, там всё расскажем. Уверен, этим туманом не очень полезно дышать, — ответил я. Остальная часть экипажа согласилась.

Мы стояли толпой в продоле в надстройке. В воздухе повисла полная тишина, каждый пытался осознать, что произошло, или хотя бы объяснить это самому себе.

— Так что вы там видели конкретно? — явно на нервах спросил Освальдович. — Хотя бы что-то прояснилось?

— Очень сложно сказать. То, что все мы видели некое «нечто», — это факт. Никто же не будет себя и остальных переубеждать в обратном? — спросил я, побаиваясь, что на-

ши истории могут сильно отличаться и каждый трактует увиденное по-своему. — Это была просто огромная тварь с крыльями, которая смердит и издаёт человеческие голоса. Более точно едва ли её можно описать.

— При падении она сильно помяла фальшборт правого борта и разбила лебёдку. Ничего критичного, но это я к тому, что наша «чайка» не только огромного размера, но и имеет большой вес, если смогла нанести такие повреждения. Так же раскурочена палуба, когтями или ещё чем, хрен знает. — Голос Николаевича звучал раздражённо. Такое бывает, когда взрослый человек даже самому себе не может объяснить, что случилось. Видимо, чем старше становишься, тем сложнее верить своим глазам.

— Вы шутите!/? — крикнул Витя. — Вы же слышали эти голоса, вы слышали мольбы! Эта тварь когда-то была человеком!

— Или людьми, — подключился к разговору бывший военный. — Я слышал голоса одновременно нескольких человек, как молодых, так и пожилых. Возможно, эта тварь способна имитировать голоса людей, которых слышала до этого. Хотя это лишь моя догадка.

— Согласен, — добавил Серёга, и тишина снова воцарилась между нами. Саня стоял молча. Витя облокотился на переборку и что-то шептал себе под нос. Капитан смотрел в палубу, как будто решая наш следующий шаг.

— Так, джентльмены, расходитесь пока по каютам и ни-

кому ни слова. Будем откровенны друг с другом: мы сами до конца не осознаём, что видели, потому придержим все свои теории при себе. — Договаривая, капитан пошагал в сторону трапа на мостик. — И да, Марк, Серёга, присмотрите за Витей, никому тут паника не нужна.

Я кивнул Освальдовичу, и мы стали расходиться по каютам.

На судне царила полная тишина, как будто мы корабль-призрак, который затерялся в морской пучине ещё сотню лет назад и стих в ней навеки. Я лежал в койке и чувствовал очень странное недомогание. В груди всё жгло, кружилась голова, и я прекрасно понимал, что виной всему этот проклятый «туман», которым мы изрядно надышались. Каждый раз, закрывая глаза, я слышал шум листьев, журчание ручья, пение птиц, но сам осознавал, что ничего этого нет. Мне казалось, что я взлетаю к подволоку или же спускаюсь глубоко в трюм, машинное отделение, под воду. Я пытался уснуть в надежде, что вся эта фантасмагория пройдёт, что это как надышаться дымом — скоро всё будет в норме.

— Ты что-то сказал? — хриплым голосом спросил каютный.

— Ты чего, Серый, я молчал. — Меня будто вырвало из «моей реальности» его вопросом.

— Как странно, но я ведь отчётливо слышал чей-то голос. Не смог разобрать, что он говорит... Что-то про дом.

Серёга приподнялся с койки и посмотрел на меня. Его

руки дрожали, лицо было бледным, как снег. Он здоровый, крепкий парень, но при этом его глаза выражали жуткий ужас и отчаяние. Он действительно был чем-то напуган, но сам до конца не понимал чем. Как будто что-то внутри взывает к твоим самым потаённым чувствам, вырывая их наружу.

— Ты ужасно выглядишь, Серёга, тебе нормально? — спросил я, вставая с постели.

— Кто бы говорил, ты выглядишь не лучше.

— Я слышал листву, пение птиц и ещё журчание ручья. Меня как будто совсем здесь не было.

Только каютный пытался что-то сказать, как в дверь постучали — да ещё с такой силой, будто пытались выбить её. В дверном проёме показался Ваня. Он был немного раздражён, а его щёки покрывал обильный румянец.

— Чего тебе? — спросил я. — Обычно к людям так не врываются, Ваня.

— Да, прости, я знаю, но Витя... Я не могу это терпеть, он несёт какую-то ахинею. Что-то про бога, про жертву и смерть. Он с ума сошёл, не иначе!

Впервые за весь рейс я увидел этого рослого, крепкого парня с короткими русыми волосами в таком состоянии. Обычно он всегда улыбается, и для него на судне всё «плёвое дело», даже когда с лица течёт десятый пот. Он явно не привык давать слаbinу.

— Сейчас мы пойдём посмотрим, а ты пока Диму позови.

— Серёга поднёс ладони к лицу, начал растирать щёки, после чего несколько раз слегка ударил по ним, чтобы вернуть румянец.

Мы открыли дверь в каюту, но войти не решились. В каюте было абсолютно темно — иллюминатор был прикрыт полотенцем, только видно было силуэт: кто-то сидел на диванчике у стола. Это был Витя. Ну или почти Витя. Он раскачивался вперёд-назад и без остановки что-то бормотал. Такое ощущение, что он вообще не придавал значения тому, что мы стоим у двери.

— Эй, дружище, с тобой всё в порядке? Ты зачем нам Ваню пугаешь? — Сергей пытался немного разрядить эту, не побоюсь этого слова, «дурную» атмосферу.

Результата никакого. Он всё так же качался на диване, опустив руки на бёдра.

— Он так уже больше часа сидит. А если включить свет — говорит, что «Он не любит свет, он живёт в потёмках», почти с каким-то звериным оскалом. — Как раз подошли Дима и Ваня.

— Бред какой-то! — оборвал Дима и вошёл в каюту, попутно включив свет.

Витя сразу вскочил с дивана и кинулся к выключателю: «Он не любит свет! Выключите немедленно, или он накажет нас и не возьмёт с собой в рай!» — его голос дрожал, хрипел и не был похож на голос двадцатилетнего студента, а скорее на монстра, которого пытаются изгнать в фильмах про эк-

зорцизм.

Дима схватил его за тельняшку и швырнул обратно на диван с такой силой, что Витя ахнул.

— Закрой рот, придурок! И объясни, что происходит! — Доселе добрый и мягкий трюмный превратился в того, кем был до рейсов, — в кадрового военного. Он обернулся ко мне, Серёге и Ване, и я тут же увидел его мертвецки-бледное лицо. Судя по всему, «это» происходит со всеми. Едва заметным жестом указательного и среднего пальца он подзывал меня к себе, видимо в надежде, что мои педагогические навыки помогут разобраться в происходящем.

— Витя, ты понимаешь, где сейчас находишься? — спросил я мягко, стараясь не рвать голос, чтобы немного расположить его к себе.

— Да, я знаю. Все мы в чистилище, и только здесь решится, кто куда попадёт: кто в рай, а кто к этой твари в лапы. — После столкновения с Димой Витя немного успокоился и хотя бы перестал кричать и шипеть.

— Но откуда ты это знаешь? Кто тебе об этом сказал? — продолжил я всё так же мягко и спокойно.

— А вы разве не слышите его? Это же Бог! Он говорит с нами, он говорит со мной прямо сейчас. Он знает, что все вы грешники и что все вы погибнете. Он знает о нас всё, о всех прегрешениях, о всех грязных делишках и порочных помыслах. Один я останусь, только я спасусь в его объятиях. — Сразу после этой реплики я увидел, как Дима поменялся

в лице. Он, как и мы, явно что-то слышал, но пока не знаю что.

— А что нужно сделать, чтобы попасть в рай? Никто не хочет гореть в аду, это уж точно. — Ещё с учёбы я знал: если «плыть по течению» с собеседником, он становится более сговорчивым.

— Нужно принести кого-то в жертву этой твари, что снаружи. Нужно её покормить, и тогда она сытая отпустит нас. — Он всё время сидел и просто пялился в столик, не отводя от него глаз, будто все его слова уже были давно «написаны» и он читал их с невидимой бумажки.

— Но этой страшной птицы нет снаружи, она улетела, — продолжил я.

— О, это совсем не так. Она рядом. Она, эта тварь, всегда рядом, и она ещё вернётся. Ей нужна жатва. — Он снова вскочил, чтобы выключить свет, но Дима тут же усадил его обратно.

— Что ещё нам нужно знать? Бог считает тебя своим посланником? Что он ещё говорит?

— О, нет, — он рассмеялся что есть мочи. — Ему не нужны посланники, ему нужны только жертвы. Он обожает жертвоприношения, а эта мерзкая тварь — это его алтарь, куда нужно «принести» дар.

Я абсолютно не мог понять, да и остальные тоже, о чём говорит Витя в своём бреде и откуда он знает про жертву. Может, он сам её придумал? Но все прекрасно знали, что

он слышит что-то, как и мы все. Мы переглянулись. Ваня посмотрел на меня, Серёгу и Диму с опаской: он понимал, что мы, как и Витя, тоже были снаружи и именно оттуда он таким вернулся. Эту «нездоровую» тишину разрезал тихий плач и всхлипывание Вити.

— Он питается страхом. Ему нравится, когда людям страшно. Он забирает их первыми, утверждая, что они не достойны жить в этом мире. Я знаю, он хочет, чтобы меня принесли в жертву. — Он покосился на бок дивана и лёг, его ноги свешивались на палубу.

— Никто никого не принесёт в жертву. Тебе нужно поспать и отдохнуть. — В этот момент говорил тот «прежний» Дима, который был просто моряком. Его голос звучал спокойно и ласково. — Ты поспишь, не будешь пугать Ивана? Посмотри на него: на нём лица нет. — С улыбкой сказал трюмный, вкладывая в неё всю свою силу и уверенность, чтобы звучать правдоподобно.

Мальчишка ничего не сказал. Он закинул ноги на диван и повернулся лицом к переборке. Он пытался держаться, но все слышали его тихий плач. Дима накрыл его одеялом, которое снял с койки, и мы вышли из каюты, надеясь, что всё будет хорошо.

Дверь в каюту 63 захлопнулась, но веселье только начиналось.

— Ты ведь тоже что-то слышал? — спросил я Диму, который попытался сразу же скрыться в каюте. — Мы с Серым

тоже. Сложно объяснить.

— Кофе будете пить? — уже в проёме своей двери спросил Дима. Мы одобрительно кивнули.

Как только мы вошли, с койки поднялся Лёха и пожал нам руки. Лёха — опытный, но инертный человек. Видимо, лежание в койке целыми днями за просмотром фильмов — это его способ бороться со стрессом, который накатил на всех.

— Что вы оба слышали? — резко спросил Дима, не дав даже шанса завязать разговор с Лёхой.

— Я слышал, как шумит крона деревьев, плещется вода в ручье, а ещё пение птиц, очень похожее на соловья.

— Мне сложно сказать. Я отчётливо слышал, как кто-то говорил со мной, но не разобрал ни слова, кроме «дом», «глубоко» и «ночь». И то не уверен, что это были именно эти слова.

— Он соскочил с койки и лёг на палубу, крича: «Лёха, пригнись, кто-то стреляет!» Его глаза были полны ужаса, он верил, что в каюте кто-то ведёт стрельбу. Это жутко, ребята.

— Дима посмотрел на меня и Серёгу, кивком головы подтверждая, что всё, что сказал Лёха, — правда. — А теперь кто-то может мне объяснить, что вообще происходит с вами?

— Мы ещё сами не разобрались. Может, сходим к боцману и Сане? Они ведь тоже были на палубе, — сказал Дима.

— Да, давайте. Идите к Николаевичу, а я сейчас позову моториста. — После этих слов Сергей тут же покинул каюту, а мы пошли к боцману.

Дверь в каюту была открыта. Он был не один, сидел с Валерой, они попивали дешёвый африканский виски «Нантой» и, как любые уважающие себя моряки в возрасте, говорили о политике и внуках. Щёки у боцмана были красные, аж багровые, явно от алкоголя. Было сложно понять, ощущает ли он что-то подобное, как и мы, или же вискарь глушит всё это.

— Чего хотели, ребята? По сотке? — с улыбкой на всё лицо спросил Николаевич. Валера же нахмурил брови — он не любил делиться алкоголем.

— Нет, спасибо, Николаевич. Скажи, ты ничего странного не замечал с тех пор, как мы вернулись снаружи? Ничего не слышал? — я не пытался «аккуратничать»: если он что-то ощутил, то сразу понял бы, о чём я.

— Да нет, ничего подобного. Голова лишь ужасно разболелась, вот мы и решили с Валерой снять стресс, как говорят молоденькие девочки на суше. — Он рассмеялся, сверкнув золотыми зубами. В этот момент подошли Саня и Серёга.

— Ладно, боцик, отдыхай. Потом как-то поговорим.

Саня пожал руку мне и Диме. За его спиной стояли Ваня и Серёга. Судя по выражению лица моториста, он прекрасно понимал, почему мы его позвали. Мы все пошли в мою с Серёгой каюту, чтобы не «шушукаться» в продоле.

— Вы тоже слышите голоса? Вас тоже зовут выйти на палубу? — начал Саня, как только захлопнулась дверь. Очевидно, он хотел поделиться, но боялся, что его сочтут сумасшедшим.

— Очень сложно сказать. Каждый слышит что-то своё. Когда у тебя это началось? — поинтересовался я.

— Как только мы вернулись со второго номера. Сначала я слышал какой-то бубнёж, который потом стал обретать смысл. Слова стали чётче и громче.

— Что ты ощутил, когда был наверху? Какие чувства охватили тебя?

— Да, наверное, как и всех, я был ужасно напуган. Чёрт возьми, да я и сейчас в ужасе!

— Он питается страхом, — сказал я, обращаясь уже не к Сане, а ко всем присутствующим. — Витя говорит, что его бог питается страхом. Видимо, это стало ключом к нашей галлюцинации. Мелкий на палубе был в ужасе — его страх вылился в видения бога и жертвы. Саня же курил наверху, вдыхая туман вперемешку с дымом. Может, из-за этого их видения такие сильные?

Естественно, я не имел ни малейшего понятия, так ли это, но все присутствующие разделили мою теорию и сошлись на том, что это всего лишь галлюцинации, причина которых — страх и токсичные облака, которые мы зовём туманом.

— Ты справишься, Саня? Не нужно объяснять, что слушать голоса нельзя. Надеюсь, это временный эффект.

Саня качнул головой и уткнулся взглядом в раковину у входа. Было видно, что ему страшно и ужас нарастает, несмотря на мои слова. Галлюцинации начинаются, когда остаёшься наедине со своими мыслями, когда погружаешь-

ся в раздумья. Эти звуки, эти видения выплывают из тумана и постепенно заслоняют собой всё воображение. В толпе я такого эффекта не замечал. Кто знает, какими будут сны из-за этого тумана.

Мои мысли перебили резкие шаги. Кто-то быстро спустился со второй палубы к нам. Судя по мелким шагам, это была то ли Ира, то ли Таня. Звук шагов ушёл в сторону каюты боцмана. Я выглянул и увидел, как Ира бежит к нам.

— Ребята, хорошо, что вы все здесь, — задыхаясь, говорила шеф-повар. — Там такое случилось. Я носила обед капитану в каюту, а там ужас что творится. Ещё и боцман пьяный. Сделайте что-то!

Было видно, что Ира напугана. До этого момента сложно было сказать о ней что-то подобное. Она невысокого роста, густые чёрные волосы, чёрный, как и положено на флоте, юмор и способность заткнуть рот большей половине экипажа. Сейчас же это была растерянная, разбитая женщина, которая увидела то, что не должна была видеть.

Мы выскочили из каюты и помчались в комнату Освальдовича. Кроме Вани и Сани — им, видимо, на сегодня «развлечений» уже хватило.

«Откровение»

Я, Дима и Сергей поднялись в надстройку, где и располагалась каюта капитана и остального офицерского состава. Каюта Освальдовича располагалась в носовой части надстройки и иллюминаторами выходила на первый номер. Са-

ма «комната» была просторной, широкой, как три, а то и четыре матросских каюты. Мы подошли к двери капитана, возле них стоял старпом Валерий Григорьевич. Он не стал ждать наших вопросов и начал первый.

— Ира принесла Освальдовичу обед, но его каюта оказалась закрыта. Мы стали стучать, но ответа никакого не получили, потом я с Пашей решили выбить дверь и вот, что мы увидели.

Он толкнул слегка дверь, и та сама открылась, так как замок был выломан. Каюту полностью застилал туман, иллюминатор почему-то был открыт. В комнате было жарко, но при этом сыро, а на переборках и подволоке блестел жирный налёт. Посреди каюты виднелся человеческий силуэт в неестественной позе, абсолютно неподвижный. Судя по всему, он сам открыл иллюминатор и так просидел несколько часов.

— Капитан! — окликнул я, но в ответ абсолютная тишина. — Надо зайти внутрь и разобраться, что там произошло, — сказал я, закрыв обратно двери. — Зайти без защиты было бы глупо, на судне очевидно должны быть противогазы, на случай пожаротушения.

— Есть такое, — сказал Чиф, — всеми этими вещами заведует боцман, но и в машинном отделении так же должны быть противогазы. Сейчас позвоню боцману, либо в машину и узнаю, ждите здесь.

Старпом быстрым шагом поднялся на мостик, а между на-

ми повисла абсолютная тишина. Я прокручивал сотню сюжетов, что же могло случиться с капитаном, надеясь, что он просто потерял сознание, но этот силуэт — он практически висел в воздухе. К нам в надстройку поднялся и Лёха. Он хороший парень, настоящая душа компании, но даже на его лице сейчас было изображено страх, недопонимание и смятение.

— Слышал крики Иры в продоле, что случилось?

— Да вот мы и сами пытаемся узнать. Каюта кэпа полностью заполнена туманом, ничего разобрать нельзя. Сейчас нам выдадут противогазы и мы всё проверим. — ответ Серёги был чётким и ясным, но голос его дрожал. Очевидно, ему сейчас, да и нам, меньше всего хочется знать, что случилось там в каюте.

К каюте капитана подошёл Саня, он явно нервничал и хотел побыстрее уйти отсюда, но всё же нездоровый интерес и приказ с мостика давали ему крупицу храбрости. Абсолютно никто не хочет оставаться в неведении.

— Стармех сказал, что вам нужно передать противогазы, вот три штуки. — Он дрожащими руками протянул нам противогазы. Вслед за этим с мостика спустился Третьяков.

— Ага, уже принесли. А то я к боцману не смог дозвониться, спит, что ли, — старпом попытался изобразить улыбку на своём лице, но это было больше похоже на гримасу ужаса и безысходности, которую пытаются скрыть за широкой улыбкой. — Вы втроем пойдёте? — кивнул он в нашу с Сергеем

и Димой сторону, — или Алексей хочет?

— Мы втроём хотя бы знаем, чего ожидать от тумана, мы и пойдём, — Лёха аж вздохнул с облегчением, когда услышал ответ Димы. — Войдём, а вы закройте дверь каюты, чтобы туман не попал внутрь надстройки, мы закроем иллюминатор, а дальше подумаем, что делать.

Старпом кивнул в ответ. Григорьевич прекрасно понимал, что в данной ситуации авторитет Димы куда выше, чем его, так как сейчас на судне нужен именно военный, а не офицеры рыболовецкого флота. Каждый из нас надел противогаз и проверил его клапан, вроде всё работает хорошо. Забегая на перёд скажу, нет, мы не знали, будет ли помогать такая защита от тумана или нет, но вариантов особо не было.

Палуба в каюте была скользкой и влажной, как будто шагаешь по палубе цеха после нескольких непрерывных вахт обработки рыбы. Всё в грязи и слизи, и нужно очень внимательно смотреть под ноги, дабы не поскользнуться и не сломать себе что-то. Очень похожие ощущения. Первым делом мы пошли к тому силуэту, и уже вблизи было понятно, что он не «висит в воздухе», а подвешен за шею к подволоку. На шее капитана виднелась жёлтая верёвка из дайнекса, а второй конец был привязан к монтажному каркасу для кабельтрасс, который находился под обшивкой подволока. Лицо Освальдовича было синим, но при этом оно не излучало ужас и страдания. Он сам полез в эту петлю и спокойно висел, ожидая, пока сжимающий жгут дайнекса сделает своё

дело. Мы с Серёгой оцепенели от ужаса. Дима же вопросительно кивнул в сторону капитана:

— Мёртв?

И продолжил изучать каюту, не дожидаясь нашего ответа, так как прекрасно понимал, что это очевидный факт. Не знаю, как мой каютный, а я изо всех сил пытался сдержаться, чтобы не запаниковать, потому что прекрасно понимал, что паника — это последнее, что сейчас нам нужно. Дима прошёл к иллюминатору и закрыл его, а Серёга стал разглядывать какие-то записки на столе Освальдовича, очевидно написанные его рукой непосредственно перед гибелью. Внутри его рабочего стола я нашёл канцелярский нож и жестом показал Диме, что сейчас обрежу конец, дабы спустить капитана на палубу. Они подошли к нему вместе и обхватили его за пояс и ноги. Несколько резких движений — и Освальдович уже лежит на своём рабочем столе. Все записки, которые мы нашли на столе, Серёга поместил в карман своих спортивных штанов, так как в условиях настолько плотного тумана что-то прочесть на месте было невозможно. Бывший военный указал рукой на выход, и мы покинули каюту. Мы шагнули к двери, постоянно оглядываясь, как будто каждый из нас чувствовал присутствие чего-то внутри каюты.

При выходе из «комнаты» капитана всё так же стояли Старпом, Лёха и Саня.

— Хочу сразу осмотреть, что там писал капитан, потом уже займёмся им самим. — Дима протянул руки к Серёге,

дабы тот передал ему записки.

— Погодите, так, а что сам капитан? — взволнованно спросил Лёха. Третьяков же прекрасно понимал неуместность данного вопроса, так как и сам подозревал, что кэпа нет в живых.

— Лёш, мы сейчас разберёмся с этими записками, а потом всё тебе расскажем, — он дружелюбно похлопал Алексея по плечу, подбадривая его, дабы пожилой упаковщик не впал в панику.

— Пойдёмте на мостик, — махнул рукой старпом и открыл двери рубки.

Мы все сели на угловой диванчик, который находился у окна мостика, и разложили перед собой все три записки. Две из них были читаемы, на третьей только какие-то загогулины, как будто Освальдович в последние мгновения своей жизни разучился писать. Я принялся перечитывать всё написанное шефом.

«Мне очень жаль, друзья, что мне приходится сообщать вам плохие новости вот так, но в лицо я сказать не смогу, так как я напрямую виноват в том, что вы оказались здесь, ведь я вёл судно. Но это уже не важно, и вы должны кое-что знать. Я тогда только заканчивал мореходное училище и только планировал связывать свою жизнь с морем. Тогда внутри этого учебного заведения стали распространяться слухи о том, что в Атлантическом океане пропал абсолютно бесследно рыбацкий траулер «STAR». Причины исчезнове-

ния были неизвестны, или же не известны нам, студентам. Случилось это в сентябре 1984 года, и случилось это именно в этом квадранте, который мы и пересекали по пути в Пальмас. И кто-то скажет «совпадение», но точно такая же история настигла и «Капитан Соляник» в 1963 году, точно в этом же месте и опять в сентябре. Мы буквально повторили то, что сделали наши предшественники. Есть ли шанс вернуться обратно? Я не знаю. Но я так больше не могу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.